

Мария Липман

В конце 2008 г. в «Новой газете» появилась статья Арсения Рогинского «Есть Сталин – есть проблемы». Статья, приуроченная к проходившей тогда в Москве международной конференции о сталинизме, представляла собой яркий и глубокий анализ тех препятствий, которые мешают российскому обществу преодолеть последствия сталинского террора, признать Сталина тираном и убийцей, проклясть палачей и оплакать жертвы. Как главный редактор журнала Pro et Contra я испытала острую зависть, что подобный текст появился не у меня. Как читатель – неподдельное восхищение.

Эта статья – не только мудрый, но истинно гуманистический анализ, если считать гуманизмом не постулирование собственных гуманных принципов как истины в последней инстанции, а готовность разобраться в особенностях чужого, даже и не близкого тебе мировосприятия. Рогинский писал о том, что на книжных полках масса сталинистской литературы соседствует с трудами серьезных историков и архивистов, публикациями подлинных документов, и задавался вопросом, почему множество изданий, разоблачающих сталинизм, почти не оказывают воздействия на массовое сознание.

«В памяти о терроре мы не в состоянии распределить главные роли, не в состоянии расставить по местам местоимения «мы» и «они». Эта невозможность отчуждения зла и является главным препятствием к формированию полноценной памяти о терроре. Она (...) становится одной из главных причин вытеснения ее на периферию исторической памяти».

Почти тридцать лет назад, в разгар перестройки, волна десталинизации вызвала огромный интерес и сочувствие советского общества. Тогда казалось, что национальное очищение совсем близко – раскроем все архивы, узнаем Правду, назовем палачей, оплатим жертвы и поставим памятники, расскажем правильную историю, перепишем лживые советские учебники – и заживем по-новому, праведно и не по лжи.

Как и многие другие перестроечные мечты, эти тоже оказались наивным заблуждением и были опрокинуты последующим развитием событий.

После распада СССР бывшие советские республики и страны проигравшего социализма активно использовали осуждение преступлений коммунистического режима как основу для национального строительства,

«Именно поэтому, – пишет в статье Рогинский, – у наших восточноевропейских соседей, от Украины до Польши и Прибалтики, нет таких тяжелых проблем с освоением советского периода истории, как в России, – они идентифицируют себя с жертвами или борцами или с теми и другими одновременно».

Антисоветская основа для строительства наций в восточноевропейских странах и в бывших советских республиках нередко оказывалась неотделимой от антирусского национализма. Требования, чтобы Россия покаялась в преступлениях, звучавшие со стороны других государств и народов, вызвали естественное отторжение – и те, кто изнутри страны призывал соотечественников признать себя виновными в сталинских злодеяниях, для кого-то оказывались заодно с иностранными обличителями, что отнюдь не добавляло антисталинистам убедительности.

Однако и этим не исчерпываются причины того, почему в общественном сознании не укоренилось безоговорочное осуждение сталинизма.

Германский пример национального покаяния был перед глазами, и поначалу казалось естественным, что Россия должна выбрать тот же путь. Но общенациональному покаянию немцев

предшествовало сокрушительное поражение в войне; их страна была оккупирована, а сами граждане Германии лишены права самостоятельно решать, как им обойтись со своим страшным прошлым; их палачей судил международный суд. Те в России, кто желал своему народу в деле национального очищения «быть как немцы» (а подобные призывы можно услышать и сегодня, хотя и реже, чем раньше), едва ли были готовы вообразить свою страну оккупированной.

Сталинский Советский Союз победил нацистскую Германию, и наша победа – еще одно препятствие на пути признания Сталина и сталинизма беспримесным злом. Рогинский пишет:

«Два образа эпохи Сталина вступили в жестко конкурентные отношения друг с другом: образ сталинизма, т.е. образ преступного режима, на совести которого десятилетия государственного террора, и образ эпохи славных побед и великих свершений. И, конечно, в первую очередь образ главной победы – Победы в Великой Отечественной войне.»

Заметим, что российское общество не делится на тех, кто считает сталинизм преступным режимом, и тех, кто с именем Сталина связывает великие свершения и победу в войне. Как видно из любого опроса на эту тему, оба восприятия зачастую совмещаются в одной голове.

Память о войне, особенно с приходом к власти Путина, окончательно сведена к памяти о Победе – воспоминания о чем-либо, кроме триумфа 1945 г., не поощряются. За критические оценки действий Советского Союза можно угодить под суд: недавно принятый закон карает за «распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны».

«Память о тяготах войны, о ее повседневности, о 41-м годе, о плене, эвакуации, о жертвах войны, эта память в хрущевскую эпоху была резко антисталинской, – напоминает в статье Рогинский. – В то время она органично сплеталась с памятью о терроре. Сегодня память о войне подменена памятью о Победе.»

<...> память о терроре отступила. Она не вовсе исчезла, но оказалась оттесненной на периферию массового сознания».

В странах, где кровавая диктатура длилась не так долго, как в Советском Союзе, выжившие жертвы могут требовать от нации заклеить зло и наказать палачей. Их авторитет, оплаченный личным страданием, способен заставить нацию глубоко осмыслить совершенное зло, разделить чувство скорби, побудить к деятельному покаянию. Так произошло, например, в Аргентине.

Но в России память о сталинизме, как пишет Рогинский, *«это уходящая память. Свидетели еще есть, но это последние свидетели, и они уходят, а вместе с ними уходит и память как личное воспоминание и личное переживание».*

Выжившие узники ГУЛАГа еще были среди нас в перестройку, но сегодня практически не осталось и детей «врагов народа». От переживших террор сохранилось множество воспоминаний, но публикации и мемуарные, и академические, и публицистические, как уже говорилось, не способны изменить общественное сознание.

«На смену памяти-воспоминанию, – пишет далее Рогинский, – приходит память как набор коллективных образов прошлого, формируемых уже не личными и даже не семейными воспоминаниями, а различными социально-культурными механизмами».

И тогда те, кто стремится внушить нации тот или иной образ прошлого, вступают друг с другом в конкуренцию. Так «Архипелаг ГУЛАГ», проза Шаламова, мемуары узников, академические труды по истории сталинизма и весь набор конспирологической сталинистской литературы оказываются

на соседних полках в одном и том же книжном магазине и, шире, – в одном и том же общественном пространстве. И если читатель предпочитает полку со сталинистами, то никто не убедит его, что на этой полке сплошной вредный и лживый вздор, а правдивую историю надо искать на другой.

Конечно, на самом деле это не свободная конкуренция:

«Зритель, чье актуальное мировоззрение формируют антизападная риторика и бесконечные заклинания телевизионных политологов о великой стране, которая со всех сторон окружена врагами, а внутри подрывается пятой колонной, не нуждается в подсказках, чтобы выбрать для себя тот образ прошлого, который лучше всего соответствует этому мировоззрению. И никакими Шаламовыми – Солженицыными его не собьешь».

Заметим, что про «пятую колонну» и страну, окруженную врагами, Рогинский пишет не сегодня, а восемь (!) лет назад, когда с антизападной пропагандой все-таки было полегче. Представляется – и тут я позволю себе не вполне согласиться с автором, – что тяга к конспирологии, в том числе и сталинистского толка, не обязательно формируется телевизором. Скорее всего она возникла раньше, чем общественное пространство оказалось заполнено пропагандой государственного величия и ненависти к Западу. Эта тяга сродни страстному увлечению лжеисториком Фоменко – она возникает из отказа признавать чей бы то ни было авторитет, в частности и тех, кто говорит: раньше, при коммунистах, вам все ввали, на самом деле Сталин был кровавый диктатор, миллионы невинных людей были расстреляны, сгинули в лагерях. Кто-то неизбежно реагировал на это с неприязнью и раздражением: те, может, и ввали, но почему надо верить вам, может, и вы не лучше? Это недоверие и эксплуатируют авторы сталинистской конспирологии, предлагая книжки о том, что «вообще все было не так».

Но несомненно верно и то, что мощно насаждаемое представление о государственном величии, возвращение традиционной российской конструкции, когда государство всевластно, а общество бессильно, несовместимо с осуждением сталинизма как преступного режима.

Идеализация Сталина – естественное побочное следствие решения совсем другой задачи – утверждения идеи заведомой правоты государственной власти. Власть выше любых нравственных и юридических оценок. Она неподсудна по определению, ибо руководствуется государственными интересами, которые выше интересов человека и общества, выше морали и права. Государство право всегда – по крайней мере до тех пор, пока справляется со своими врагами.

В российском государстве человек привычно ощущает себя жертвой – террора или бюрократического произвола и коррупции. Он исходит из того, что государство если и не истребляет свое население в лагерях, то уж заведомо держит народ за быдло, – но одновременно сопричастность государственному величию (победе в Войне, присоединению Крыма, демонстрации военной силы в мире) поднимает нас в собственных глазах.

Буквально на днях крупный ученый, автор многих серьезных монографий, в частности и о травме нации, не оплакавшей жертв сталинизма, решительно отверг наличие тех препятствий, о которых писал в 2008 г. Рогинский. Например, объявил надуманной проблему неразличимости палачей и жертв: «Палачи часто становились жертвами, но тогда они переставали быть палачами. Разница между палачом и жертвой – самая большая разница, какая только может быть между людьми. И до, и после, и во время». И с квалификацией сталинизма, по его мнению, все просто: сталинизм – «бессмысленная машина террора». И точка. И пока мы всем народом не оплакали жертв сталинского террора и не преодолели травму, мы как нация ни на что не годимся.

Как хочется, чтобы все было просто. Чтобы у соотечественников появился пророк, который обратился бы к ним со словами самой Главной Правды, чтобы они восчувствовали, прониклись правильным отношением к Добру и Злу, излечились бы от травм, и все встало бы на свои места.

В действительности соображение о том, что, не оплавав и не покаявшись, мы не сможем построить в России более справедливую, честную и благополучную жизнь, ничуть не более убедительно, чем обратное. Осмыслить прошлое и преодолеть последствия террора невозможно без общественного согласия о том, с каких позиций мы сегодняшние судим о прошлом, о том, какими должны быть отношения между государством и обществом, о праве, справедливости, собственности и многом другом.

Одно не существует без другого. Работа с прошлым и борьба против засилья и произвола государства неразрывно связаны друг с другом. Работа Арсения Рогинского и «Мемориала» в целом – не путь к спасению России через внушение нации правильных представлений о прошлом, а бесценный вклад в общее гражданское дело.

Препятствия, о которых Рогинский писал в 2008 г., сегодня выглядят еще более непреодолимыми. Но посвятив жизнь восстановлению и увековечению памяти о сталинизме и сделав для этого колоссально много, Рогинский говорит о своем деле не мрачно-торжественно, а умно, глубоко и пронизательно.

Он не пророк, он – подвижник. При этом подвижник, исполненный не столько скорбной статуарности, сколько бодрого пессимизма, а уж это дар и вовсе уникальный.